

кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье». ⁷² Доказательством того, что Уваров не просто сошелся с Радищевым во взглядах, а хорошо знал и помнил рассуждения автора «Путешествия», служит второе письмо, ответ Капнисту, также оубликованное в «Чтениях». Защищая здесь основные положения первого письма, Уваров ссылается на авторитет Радищева и цитирует большой отрывок из главы «Тверь»: «Некто из наших писателей (г. Р. . .), о котором российские музы не без сожаления вспоминают, чувствовал уже необходимость большой перемены в формах нашей поэзии. — И вот как за 20 лет перед сим изъяснялся он об этом предмете». ⁷³ Далее идет обширная цитата из Радищева, содержащая критику ямба, рассуждение о дактилях и о рифме.

Возражая против предложения Капниста переводить Гомера так называемым русским размером, Уваров в то же время считает его подходящим для поэм на сюжеты из русской истории. Можно думать, что, советуя Жуковскому написать русским размером поэму по мотивам отечественной истории, Уваров имел в виду в качестве предшественника Жуковского не только «Илью Муромца» Карамзина, но и радищевского «Бову».

Итак, непосредственно и опосредованно, сознательно и непреднамеренно идеи и поэтическая практика Радищева активно входили в литературную жизнь начала XIX в., вызывая притяжение и отталкивание, признание и полемику. Не всегда поэтические принципы Радищева давали в его собственной практике и у других писателей удачные поэтические результаты. Механическое соединение разных стилистических, языковых стихий порождало тяжеловесные произведения, которые, однако же, не будучи крупными художественными достижениями, тем не менее сыграли определенную роль в истории русской поэзии. ⁷⁴

Несмотря на насильственное отторжение Радищева от литературной жизни, его торжественный, неровный, тяжеловесный, наполненный просторечьем и архаизмами язык, его литературные идеи продолжали питать сознание многих деятелей русской культуры. И «Вольное общество. . .», и «Беседа» явились проводниками радищевских литературных идей в среду поэтов-декабристов. Архаические тенденции Катенина, Федора Глинки, Кюхельбекера и других восходят в какой-то степени, в основном опосредованно, к литературной традиции Радищева.

Деятельность поэтов-декабристов в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг. в значительной степени определяла все развитие русской литературы этого периода. Однако поэты-декабристы, их отношение к радищевской традиции, к литературным идеям «Беседы» — уже тема другой специальной работы.

⁷² Там же, с. 62—65.

⁷³ Там же, кн. 17, 1815, с. 58.

⁷⁴ См.: *Макогоненко Г. П.* Поэзия Александра Радищева, с. 71—72.